

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ: РОДИТЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Социальная общность родителей как субъект гражданского общества

Ссылка для цитирования: Шаброва Н. В. Социальная общность родителей как субъект гражданского общества // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

For citation: Shabrova, N. V. Social community of parents as a subject of civil society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Шаброва Нина Васильевна

Уральский федеральный университет,
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

urfu-stu@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [586740](#)

Аннотация. Традиционные субъекты гражданского общества, действовавшие на протяжении долгого времени, теряют былое влияние и значимость. Исследователи отмечают снижение уровня гражданской активности населения во многих странах мира. Существующие концепции гражданского общества теряют объяснительную силу. В статье представлена попытка преодоления данной проблемы. Цель статьи – проанализировать социальную общность родителей в качестве нового субъекта гражданского общества. Для достижения данной цели гражданское общество рассматривается с позиций общностного подхода, в соответствии с чем оно трактуется как особый тип социальной общности. Его специфика обусловлена тем, что эта общность состоит из индивидов (и их ассоциаций), являющихся носителями особых потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Показано, что индивиды (и их ассоциации), располагая необходимыми ресурсами (прежде всего, социальным капиталом), осуществляют совместную деятельность по реализации и защите своих потребностей и интересов в определённых границах времени и пространства. Подчёркивается, что для представителей общности гражданского общества такая деятельность становится доминирующей моделью жизнедеятельности, т. е. образом жизни. Анализируются ключевые характеристики, функции и структура гражданского общества как социальной общности и особенности формирования и развития в ней родительства как нового её элемента. На основе этого показано, что общность современных родителей изменяется. Сохраняя свои традиционные общностные свойства и функции, социальная общность родителей всё больше приобретает характеристики и функции общности гражданского общества, превращаясь в её особый тип. Показан процесс постепенного встраивания социальной общности родителей в общностную структуру гражданского общества. Вместе с тем отмечается, что происходит это с различной интенсивностью во времени и пространстве и обусловлено неоднородностью и противоречивостью самой родительской общности. Объективно существующие различия между родителями влияют на степень их вовлечения в практики гражданского общества, на характер внутриобщностных и межобщностных взаимодействий.

Предлагается рассматривать внутреннюю структуру родительства как динамичную, включающую в себя ядро, полупериферию и периферию. Делается вывод, что в современных условиях родительство превращается в драйвер развития гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, общностный подход, родительство, общностные характеристики, общностная структура гражданского общества, общностные взаимодействия

Трансформация структуры и функций государства (государственной власти), спад гражданской активности традиционных субъектов гражданского общества – реалии сегодняшнего дня многих стран мира. Эти процессы актуализируют переосмысление подходов к структуре и функциям гражданского общества, активизацию новых механизмов реализации и защиты прав и интересов граждан, поиск новых субъектов гражданского общества [Яницкий 2011; Горшков 2013; Левашов 2006; Sievers 2009]. Полагаем, что одним из таких подходов, позволяющим по-новому взглянуть на гражданское общество, является общностный подход, а общность родителей может выступить одним из субъектов развития гражданского общества.

Цель статьи – проанализировать социальную общность родителей в качестве нового субъекта гражданского общества.

Теоретические подходы к гражданскому обществу как социальной общности

Выбор общностного подхода к анализу гражданского общества обусловлен тем, что он даёт возможность: 1) «спуститься» с уровня абстрактных категорий в поле непосредственных отношений и взаимодействий самостоятельных субъектов социальных действий; 2) показать аспекты «соединения» личности и общества; 3) объяснить активность/пассивность этих самостоятельных субъектов социальных действий в реальных повседневных практиках [Зборовский 2009: 9]¹.

В научной литературе (как зарубежной, так и отечественной) существует ряд работ, в которых учёные анализируют гражданское общество с позиций общностного подхода. Условно их можно разделить на три группы.

Представители первой группы декларативно относят гражданское общество к социальной общности, не анализируя её сущностных особенностей. Например, А. А. Дудкина пишет: «Гражданское общество пред-

¹ Следует отметить, что в научной литературе не существует единства в толковании понятия «общность». Данное обстоятельство обусловлено, в частности, многообразием его содержательных характеристик и подходов к его пониманию (микро- и макросоциологический, системный, пространственный, структурный, психологический, поведенческий, коммуникативный, деятельностный).

ставляется как *наивысшая форма общности*, которая включает в себя ассоциации (семья, корпорации), ценностно не сравнимые с государством, так как общность выступает в качестве сообщества, базирующегося на принципе справедливости» [Дудкина 2016: 42].

Ко второй группе мы относим работы, авторы которых рассматривают гражданское общество как совокупность традиционных, местных сообществ (А. В. Боярских, М. Н. Волошенко, А. Ю. Завалишин, М. А. Молокова, И. Ф. Уманец, С. R. Hoffer и др.). Основываясь на идеях классиков общностного подхода (Ф. Тённиса, представителей Чикагской социологической школы, Л. Шноре и др.), они полагают, что местные сообщества выступают ключевым элементом гражданского общества, «целостными и относительно самостоятельными ячейками его территориальной организации» [Боярских 2014: 138]. Именно такие локальные общности, образованные по принципу самоорганизации, способны в процессе своей деятельности осознавать и решать актуальные повседневные проблемы, поскольку не испытывают «недостатка взаимного доверия, информированности и практических навыков добровольного продуктивного взаимодействия» [Молокова 2011: 180].

Соглашаясь с высоким уровнем значимости локальных общностей в структуре гражданского общества, полагаем, что недостаточно сводить её (структуру гражданского общества) к простой сумме, совокупности локальных территориальных общностей. Общностная структура гражданского общества представляется нам как более сложная, многоуровневая. Подробнее данная позиция будет раскрыта чуть позже, когда мы непосредственно обратимся к описанию нашего представления об общностной структуре гражданского общества.

К третьей группе мы относим работы, в которых учёные рассматривают общество как «мегаобщность» (А. Etzioni, W. A. Galston, M. A. Glendon, J. B. Elshtain и др.). В частности, один из авторов концепции «отзывчивого коммунитаризма» А. Этциони рассматривает общество («The Good Society») как «общность общностей» (the community of communities). По сути, в рамках его концепции национальное государство, тождественное гражданскому обществу, и есть «общность общностей» – *сеть эмоционально-насыщенных связей и отношений общностей индивидов (жителей определённого государства), являющихся носителями особой национальной культуры* [Etzioni 1995; 2002].

Для понимания сути концепции «отзывчивого коммунитаризма» необходимо обратить внимание на несколько важных моментов. Сторонники данной концепции считают, что [Etzioni 2006; McNutt 1997]: 1) *индивидуальные права граждан должны быть сбалансированы с потребностями «общности общностей» (коллективными правами)*, т. е. индивидуальные права граждан вторичны по отношению к коллективным, и чтобы их отстаивать, *необходимо быть включённым в общность*; 2) *обязанности членов общности должны превалировать над их индивидуальными правами*; 3) в структуре ценностей общества («The Good Society») существуют те, которые имеют более высокий моральный

статус, и граждане обязаны их принимать; 4) «общность общностей» должна иметь право и возможность осуществлять моральное давление на своих членов и добиваться от них установленной степени подчинения, т. е. она является по определению структурой принуждения.

Сторонники данного подхода выступают за широкий спектр мер по поддержке полной семьи, потому что такая семья даёт больше шансов для *правильного* нравственного воспитания, усвоения общественной морали и добродетели, учит гражданственности. Вместе с тем А. Этциони подчёркивает, что если семья *неправильно* сформировала моральный облик ребёнка, то «общность общностей» имеет право и возможности корректировать его. Например, посредством института образования. «Социальная роль семьи заключается в становлении и развитии морального Я ребёнка. Роль школ – не только в продолжении развития морального Я, но и в исправлении его, если оно было упущено или деформировано семьёй» [Etzioni 2006: 82].

Мы исходим из несколько других методологических принципов общностного подхода¹.

Для нас *гражданское общество* представляет собой *особый тип социальной общности*. Это не всё общество, а только его *часть, относительно независимая от государства*, но взаимодействующая с ним. Эта *часть общества* (граждане и их ассоциации) обладает специфическими потребностями и интересами, добровольно осуществляет совместную деятельность для их удовлетворения [Горшков 2012; 2013; Левашов 2006; Яницкий 2013].

Методологической рамкой общностного подхода к гражданскому обществу для нас выступает концепция социальной общности Г. Е. Зборовского.

Родительство сквозь призму общностных характеристик и функций гражданского общества

Для начала обратимся к анализу характеристик гражданского общества как социальной общности и родительства как его элемента [Зборовский 2009: 109].

Во-первых, несомненным является то, что гражданское общество – это *совокупность индивидов (граждан и их ассоциаций), включённых в систему общественных отношений*. Следует отметить, что мы

¹ Мы, учитывая и принимая всё многообразие подходов к социальной общности, в качестве доминирующего рассматриваем деятельностный подход. Это обусловлено тем, что в рамках данного подхода под социальной общностью понимается «взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности» [Зборовский 2009: 100]. Иначе говоря, совокупность индивидов становится общностью, когда они (индивиды) взаимосвязаны и взаимодействуют, движимые общими целями и интересами.

целенаправленно используем в данном случае термин «совокупность», а не «взаимосвязь», подчёркивая тем самым механическое, а не органическое соединение субъектов общности гражданского общества на данном этапе его функционирования. Полагаем, что о подлинно гражданском обществе как общности можно будет говорить при возникновении между его субъектами именно *взаимосвязей*. Более подробно мы остановимся на этом позже, когда будем говорить о характере межобщностных и внутриобщностных отношений общности гражданского общества.

Родительство, на наш взгляд, выступает одной из подобностей гражданского общества, обладающей колоссальным потенциалом для развития гражданского общества¹. Оно, как и любая другая социальная общность, включено в систему общественных отношений. И здесь важно подчеркнуть, что мы, соглашаясь с позицией А. Чернышова [Чернышов 2019: 47], исходим из понимания родительства в широком контексте: не только и не столько как составляющей семьи, сколько через понимание его именно как субъекта общественных отношений. Данная точка зрения обусловлена тем, что форматы современных семейных практик могут быть самыми разнообразными. Современное родительство выходит за рамки традиционных представлений о структуре и характере родительских взаимоотношений в семье [Гурко 2008]. Кроме того, понимание родительства как субъекта общественных отношений позволяет включать в данную общность не только тех, у которого уже есть дети, но и потенциальных родителей, у которых в настоящее время может и не быть собственных детей.

Как мы отмечали выше, гражданское общество – это часть общества, относительно независимая, но взаимодействующая с государством. Индивиды оказываются вовлечёнными в данную общность (в явной или латентной форме) в связи с *наличием у них особых потребностей и интересов*. Это вторая значимая, с нашей точки зрения, характеристика гражданского общества как социальной общности. К базовым потребностям и интересам представителей общности мы относим прежде всего равенство всех перед законом, свободу выбора и неприкосновенность частной жизни, право на частную собственность, признание различий и уважение, взаимопомощь и др. Эти потребности и интересы, отражаясь в сознании представителей данной общности, проявляются в виде системы ценностных ориентаций (морально-нравственных, эстетических, политических, религиозных и т. д.) [Актуализированные ценности... 2015: 15–21].

Важно подчеркнуть, что содержательно ценностные ориентации могут интерпретироваться в различных культурах, сферах деятельности и времени по-разному. На протяжении многих лет отдельные категории граждан были лишены избирательных прав (женщины, чернокожие и др.), т. е. не были равны в избирательном праве и не могли осуществлять свободный выбор в политической сфере.

¹ Полагаем, что предпосылки общностного подхода к родительству были заложены в работах И. С. Кона.

Родительство как социальная общность и как общность гражданского общества обладает целым рядом потребностей, интересов и ценностных ориентаций. Особенность структуры потребностей, интересов и ценностных ориентаций современного родительства заключается в её усложнении [Гурко 2013; Безрукова 2014]. Наряду с традиционными для родительской общности (рождение, обеспечение и воспитание детей), в неё включаются новые ценности, присущие родительству как общности гражданского общества (уважение различий, возможность свободного выбора траекторий репродуктивного, экзистенциального, социализационного поведения – как своего, так и детей) [Актуализированные ценности... 2015: 21].

Такая трансформация структуры потребностей, интересов и ценностных ориентаций современного родительства способствует не только решению тактических задач общности родителей (формированию и отстаиванию общей повестки сегодняшнего дня). Она решает и стратегическую задачу – способствует развитию гражданского общества посредством формирования не только нового поколения родителей, но и детей¹, разделяющих ценности гражданского общества [Чернышов 2019].

Вместе с тем хотелось бы оговориться, что мы не идеализируем всех родителей. Данная общность неоднородна как по своим потребностям и интересам, так и по ценностным ориентациям. К вопросу о дифференцированности родительства мы ещё обратимся при анализе структуры родительства как общности гражданского общества.

Осознание перечисленных выше потребностей и интересов и преломление их сквозь призму ценностных ориентаций приводит к формированию конкретных внутренних побудителей действия, готовности к тому или иному поведению. Отсюда возникает третья характеристика гражданского общества как социальной общности: граждане и их ассоциации, включённые в данную систему социальных связей и отношений, осуществляют совместную деятельность.

Эта деятельность, на наш взгляд, проявляется в двух аспектах. Первый заключается в *реализации* представителями общности своих потребностей и интересов в различных формах и видах деятельности. Представители данной общности удовлетворяют свои потребности и интересы, добровольно объединяясь и взаимодействуя в поиске и выработке взаимовыгодных решений [Яницкий 2015]. Они реализуют эти решения на практике и несут ответственность за свои действия в соответствии с правовыми, нравственными нормами и т. д. Граждане, например, могут объединяться в клубы по интересам для удовлетворения духовных потребностей.

Второй аспект совместной деятельности представителей гражданского общества заключается в *защите* прав и интересов. Он возникает при появлении ограничений этих возможностей, которые могут исходить как от государства, так и от сообществ гражданского общества.

¹ Передача гражданских ценностей, знаний и установок от родителей к детям может осуществляться разными способами. Наиболее часто в научной литературе выделяются три основных классификации: по характеру воздействия (прямой/косвенный), по степени активности родителей (активный/пассивный), по особенностям детско-родительского взаимодействия (линейный/нелинейный). См., например, Шаброва Н. В. 2018. Концепция родительства как субъекта развития гражданского общества // Вестник СурГПУ. № 2.

Деятельность родителей как общности гражданского общества по реализации и защите своих потребностей и интересов разнообразна. Она может осуществляться *в различных сферах* (политической, экономической, в сфере образования и т. д.); *в различных масштабах* (на различных уровнях) (национальном, региональном, локальном); *с ориентацией на различные объекты защиты* (преимущественно прав и интересов родителей или детей); *с разным содержанием участников* (с детьми и без их участия); *в различных организационных формах* (неформальных, полужформализованных и формальных организациях); *с разной степенью легитимности* (конвенциональными, институционально одобряемыми методами и неконвенциональными – незаконными); *с использованием различных форм и способов коммуникаций* между родителями и структурами, с которыми они взаимодействуют (непосредственные, опосредованные, кооперация, конкуренция, паритет, подчинение, господство, устные, письменные, электронные и т. д.).

Совместная деятельность родителей предполагает как внешнее (прежде всего с властными структурами), так и внутриобщностное взаимодействие, для которого необходима солидарность. Под солидарностью родительства как общности гражданского общества мы понимаем не пассивное согласие, однородность [Бабинцев 2016], а разделяемый родителями принцип поиска компромисса, конструктивного сотрудничества: умение слышать, понимать и доверять друг другу, находить те формы деятельности по реализации и защите прав, интересов, свобод, которые не только бы удовлетворяли индивидуальные потребности, но и учитывали интересы широкого круга представителей общности. Вместе с тем полагаем, что такая «органическая солидарность родительства» (в терминологии Э. Дюркгейма) возможна лишь на уровне реальных локальных общностей родителей. В глобальных масштабах (например, на национальном уровне) она теряет свою эффективность из-за сложности, а подчас невозможности согласования потребностей всех заинтересованных [Яницкий 2015: 76; Блэ 2018].

Активная гражданская и социальная деятельность родителей не только в прямой форме способствует развитию гражданского общества, но и активизирует включение детей в политические дискуссии и практики гражданского и социального участия [Flanagan et al. 1998; Fletcher et al. 2000; Vebiroğlu 2009; Мерсиянова и др. 2019], т. е. в косвенной форме содействует формированию нового поколения активных членов гражданского общества.

Осознавая свои потребности и интересы и осуществляя совместную деятельность, члены гражданского общества (как общности) *принимают (и в определённой степени разделяют) нормы и образцы поведения* – и это четвёртая характеристика гражданского общества как социальной общности. Эти нормы и образцы поведения обусловлены особенностями институционального устройства, культурно-исторического развития того или иного государства [Кирдина 2012; Haddad 2006].

Данный тезис даёт возможность говорить ещё об одной (пятой) характеристике гражданского общества в изучаемом аспекте – его *пространственно-временной локализации*. Временная локализация

позволяет анализировать изменения и динамику гражданского общества во времени, её особенности (например, членства, практик участия) в разные периоды исторического развития той или иной страны.

Важно выделить специфику современного этапа развития гражданского общества и общности родителей. На протяжении достаточно длительного времени родительство и гражданское общество существовали и функционировали как две относительно независимые общности. В настоящее время ситуация меняется. С одной стороны, традиционные субъекты общности гражданского общества и те формы защиты прав и интересов, которые существовали на протяжении длительного времени, теряют былую силу и значимость. Исследователи отмечают спад гражданской активности населения во многих странах мира [Pavlova et al. 2016]. Отсюда возникает проблема поиска новых субъектов, движущих сил развития общности гражданского общества и форм защиты прав и интересов. С другой – давление на родителей со стороны государства (в правовой, образовательной, культурной и др. сферах) вовлекает их в практики гражданского и социального участия для отстаивания прав и интересов (как своих, так и детей) [Актуализированные ценности... 2015: 158]. Тем самым общность родителей вольно или невольно встраивается в структуру общности гражданского общества.

Пространственная локализация гражданского общества – это отличия конфигураций данной общности в рамках территориального пространства (страны, региона, типа поселения). Она в определённой мере обуславливает систему ценностей, жизненных ориентиров и образцов поведения представителей общности гражданского общества [Асимметрия жизни... 2017].

Проживание в странах с высокой ценностью социальной ответственности повышает уровень вовлечения и родителей, и детей в практики гражданской активности [Flanagan et al. 1998]. Исследование А. Флетчер выявило взаимосвязь между типом поселения родителей и их вовлечённостью в локальные практики гражданского участия [Fletcher et al. 2000]. Американские родители, проживающие в сёлах, активнее, чем городские, вовлекаются в местные сообщества для решения проблем, поскольку в большей степени зависят друг от друга.

Многие исследователи подчёркивают значимость для родителей (и для развития детей) микрорайона проживания. Родители, выбирая место проживания, стремятся создать благоприятные условия не только для себя, но и для безопасности, самореализации детей, т. е. для более качественного выполнения родительских функций [Коулман 2001; Флорида 2014; Rossi et al. 2016; Филипова и др. 2018]. Вместе с тем свобода такого выбора ограничивается экономическими возможностями семьи.

Проживание в микрорайоне, не обладающем хорошей инфраструктурой, актуализирует вовлечение родителей в решение более широкого круга вопросов и проблем. Их круг может выходить за рамки непосредственно родительских потребностей и интересов, но быть важным для

родителей как граждан. Например, родительство микрорайона имеет право выступить против транспортной реформы в городе, т. к. изменение маршрутов и графика движения транспорта может сказаться на выполнении их трудовых функций.

Кроме того, родители, вовлекаясь в гражданские и социальные практики решения проблем микрорайона, включаются в систему межобщностных и внутриобщностных отношений. Как представители гражданского общества они могут взаимодействовать не только с органами власти, но и с другими общностями, проживающими на данной территории.

В ходе деятельности члены гражданского общества располагают, воспроизводят и обменивают различного рода *ресурсы* – «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [Гидденс 2005: 60]. И это *шестая характеристика гражданского общества как социальной общности*. Ресурсная обеспеченность гражданского общества играет важную роль в его функционировании и развитии. Уникальность и масштабность его ресурсов повышает привлекательность группового членства в нём, позволяет расширять его рамки, объединяя ресурсные возможности представителей разных структур [Барсукова 2004: 138].

В научной литературе существует достаточное количество концепций и классификаций ресурсов [Гидденс 2005; Ядов и др 2008; Бурдые 1994]. Не останавливаясь на их подробном анализе, отметим, что главным ресурсом социальной общности вообще и гражданского общества в частности является социальный капитал. Это те неосязаемые взаимоотношения индивидов, социальные связи между его членами, которыми они «могут пользоваться, и которые придают ему силу и власть, позволяют успешно реализовываться в соответствующем социальном пространстве, участвовать в конструировании новых социальных полей» [Зборовский 2009: 153], «облегчать свою производственную деятельность» [Коулман 2001: 126].

Формы социального капитала, по мнению учёных, весьма разнообразны. Это способность к объединению и солидарность, доверие и эффективные нормы, сети и добровольчество, возможность получения информации и т. д. [Коулман 2001; Фукуяма 2004; Барсукова 2004; Сасаки и др. 2009; Яницкий 2011]. Все они, с одной стороны, необходимы для становления и развития гражданского общества, а с другой, – воспроизводятся в ходе его функционирования.

Родительство в данном плане не является исключением. Конечно, для осуществления деятельности родительство необходимы материальные ресурсы, но, как было отмечено выше, главным ресурсом социальной общности является социальный капитал. Для родительской общности он существует и воспроизводится только в ходе взаимоотношений различных его форм, значительно облегчая и повышая результативность деятельности этой общности гражданского общества [Яницкий 2013; Коулман 2001]. Отсюда вытекает важное условие воспроизводства социального

капитала общности вообще и родительства как общности гражданского общества: замкнутость контактов её членов. При наличии замкнутости контактов («сильных связей»), что более вероятно в локальных групповых родительских общностях, появляются основания для органической солидарности, доверия друг другу, возможности получения информации и отслеживания эффективности выполнения норм и т. д. [Коулман 2001; Барсукова 2004]. Так, родители, объединившиеся по принципу принадлежности их детей к определённому учебному классу, в ходе межличностного взаимодействия (или опосредованного приложениями WhatsApp, Viber и др.) на протяжении обучения их детей в школе обмениваются разнообразной информацией, в т. ч. о проблемах детей, ищут методы их решения и реализуют на практике. В ходе такого взаимодействия у каждого члена данной родительской общности формируется своя репутация и представление о «круге вопросов», в которых он компетентен, и, при необходимости, человеческий капитал отдельно взятого родителя конвертируется в социальный капитал общности родителей класса.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть важность «слабых связей» для воспроизводства и использования социального капитала родительства как общности гражданского общества. Мы согласны с позицией Б. Уэллмана относительно того, что «слабые связи» дают возможности интеграции разноаспектных социальных систем и обеспечивают распространение информации [Уэллман 2000]. Более того, множество «слабых связей» в некоторых случаях оказывается эффективнее, чем несколько сильных. «Сильные связи» соединяют людей, возвращающихся в своих социальных кругах и, следовательно, обладающих одной и той же информацией. «Слабые связи» соединяют людей, включённых в разные структуры, сферы общества и тем самым дают возможность расширить их информационное поле. Это чрезвычайно важно потому, что граждане-родители, включённые в широкий спектр «слабых связей», способны аккумулировать и усиливать социальный капитал родительских подобщностей. Например, гражданин-родитель, поучаствовавший в акции помощи бездомным животным (престарелым людям, детям-сиротам и т. д.), может предложить локальной общности родителей (в частности, родителям класса, в котором обучается его ребёнок) включиться (в том числе вместе с детьми) в просоциальную деятельность.

Наконец, последней, седьмой характеристикой гражданского общества как социальной общности, так или иначе обобщающей все вышеперечисленные, является *образ жизни* данной общности. Под образом жизни гражданского общества как социальной общности, в соответствии с концепцией образа жизни А. А. Возьмителя, мы будем понимать устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей по реализации и защите своих прав и интересов, «типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения» [Возьмитель 2017: 32]. Такие формы бытия и совместной деятельности выступают типичными, доминирующими моделями жизне-

деятельности общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни отдельных подобщностей, маркируют отличие одного общества от другого.

На протяжении многих столетий образ жизни родительства как социальной общности включал в себя типичные, устоявшиеся способы и формы жизнедеятельности (повседневную трудовую, бытовую, социокультурную и т. д.), отличавшие родителей от «не-родителей». Современные условия (прежде всего, вмешательство государства в частную жизнь граждан) актуализировали формирование и развитие новых аспектов жизнедеятельности родителей (общественно-политическую, правозащитную деятельность и т. д.). Образ жизни современного родительства расширяется за счёт включения в его структуру способов и форм жизнедеятельности, позволяющих реализовывать и защищать права и интересы (свои и детей). Иначе говоря, образ жизни современного родительства приобретает некоторые черты, элементы образа жизни общности гражданского общества.

Образ жизни родителей как общности возникает не сиюминутно. Это достаточно длительный процесс, который формируется посредством устойчивого воспроизводства в повседневной жизни родителей способов социального самоопределения и самоорганизации, реализации и защиты прав и интересов (как своих собственных, так и детей), т. е. посредством конструирования и воспроизводства стиля и способа жизни родительства как общности гражданского общества. Эти стиль и способ жизнедеятельности, в свою очередь, сопряжены с целым рядом социально-демографических характеристик как родителей (полом, возрастом, уровнем образования, статусом, состоянием здоровья), так и их детей (полом, возрастом, состоянием здоровья).

Особо хотелось бы отметить влияние на стиль и способ жизни родителей как общности гражданского общества двух характеристик детей: возраста и состояния здоровья. Эти характеристики, на наш взгляд, во многом определяют степень закрепления в повседневных практиках родителей устойчивых форм совместной деятельности по реализации и защите прав и интересов (своих и детей).

Так, несмотря на постоянство статуса родителя, по мере взросления детей часть родительских функций как бы отходит на второй план. Другими словами, по достижении определённого возраста (в зависимости от законодательства страны) дети приобретают полную дееспособность. Они не нуждаются в создании родителями условий для реализации их потребностей и интересов, отстаивании и защите их прав. В ситуации же наличия у детей тяжёлых заболеваний родители создают условия для реализации потребностей и интересов детей и защищают их права вне зависимости от возраста ребёнка [Актуализированные ценности... 2015: 158].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что гражданское общество – это особый тип социальной общности, специфика которой обусловлена тем, что она состоит из индивидов (и их ассоциаций), являющихся носителями особых потребностей, интересов, ценностных

ориентаций. Индивиды (и их ассоциации), располагая необходимыми ресурсами (прежде всего – социальным капиталом), осуществляют совместную деятельность по реализации своих потребностей и интересов и защите их в определённых границах времени и пространства. Для представителей общности гражданского общества такая деятельность становится доминирующей моделью жизнедеятельности, т. е. образом жизни.

Современное родительство всё больше приобретает свойства, характеристики общности гражданского общества. Это даёт основания утверждать, что его можно рассматривать в качестве особого типа социальной общности, подобности гражданского общества.

Говоря о функциях гражданского общества как социальной общности, следует выделить внешние (проявляющиеся во взаимодействии с другими элементами социальной структуры) и внутренние (направленные на поддержание устойчивости самой общности) [Зборовский 2009: 161].

К внешним функциям, проявляющимся прежде всего во взаимодействии с государством, мы относим, во-первых, функцию закрепления и выражения групповых интересов. Представители общности гражданского общества формулируют свою позицию и транслируют её государству (представителям органов власти различных уровней). Выражение групповых интересов общности может осуществляться как в конвенциональных, институционально одобряемых государством формах, так и неконвенциональных. К конвенциональной форме выражения групповых интересов, например, можно отнести членство в политической партии, а к неконвенциональной – участие в протестных выступлениях.

Родители формулируют (вырабатывают) коллективную позицию относительно какого-либо вопроса или проблемы и транслируют её (различными формами и методами) представителям органов власти или руководству организации. Так, локальная родительская общность класса может написать коллективную жалобу директору школы, будучи неудовлетворённой качеством преподавания дисциплины.

С функцией выражения групповых интересов тесно связана коммуникативная функция, состоящая в обеспечении связей и взаимодействий между общностью гражданского общества и государственными институтами. Эти взаимодействия могут выстраиваться в плоскости сотрудничества (поиске форм конструктивного диалога и разрешения противоречий) и конфликта (принуждения и давления). Родители вступают в прямые и опосредованные связи и взаимодействия с представителями органов власти или руководством организации для реализации и защиты потребностей и интересов (как своих, так и детей).

К третьей внешней функции гражданского общества как социальной общности мы относим функцию социального сравнения. Она проявляется через механизмы идентификации индивидов (и их ассоциаций) с данной общностью и осознания потребности включения в неё. Благодаря этим механизмам члены общности имеют возможность сопоставить преимущества и недостатки вовлечения в данную общность для реализации и защиты своих прав и интересов.

Родители, идентифицируя себя с общностью гражданского общества в противовес той части общества, которая не стремится реализовывать свои потребности (интересы) и защищать их, осознают важность того, что они делают. Они испытывают гордость от значимости результатов их деятельности не только для своих детей, но и чужих, того социума, в котором они живут, не только для настоящего, но и для будущего.

К внутренним функциям гражданского общества можно отнести, во-первых, функцию формирования социальных (моральных) норм и ценностей. Тесно с данной функцией связана функция воспроизводства общественных отношений, заключающаяся в соблюдении этих норм и связанных с ними образцов поведения. Применительно к гражданскому обществу как социальной общности такими ключевыми нормами и образцами поведения, на наш взгляд, являются добровольность и свобода выбора, уважение и доверие, солидарность и ответственность, а также готовность отстаивать свои права и интересы.

Родительство, несомненно, формирует (и отчасти корректирует) социальные (моральные) ценности и нормы и воспроизводит общественные отношения в виде воссоздания и закрепления определённых практик деятельности родителей по реализации и защите потребностей и интересов не только у представителей самой общности, но и у детей.

Третьей, наиболее важной внутренней функцией гражданского общества как социальной общности, является интегративная. Она состоит в консолидации потребностей и интересов различных подобщностей общности гражданского общества. Эта консолидация предполагает достижение согласия, способности и возможности слышать, понимать и доверять друг другу, искать компромиссы [Бабинцев 2016].

Родительство интегрирует и рекрутирует новых членов общности, консолидируя интересы и потребности родителей на базе их родительского статуса в стремлении реализации своих потребностей и интересов и их защиты. Таким образом, родительство в рамках своей деятельности выполняет ключевые функции гражданского общества [Горшков 2012: 4–7]. Реализация данных функций позволяет, с одной стороны, поддерживать устойчивость самой родительской общности, а с другой, – осуществлять взаимодействия с внешними по отношению к общности родителей социальными структурами (институтами, организациями, общностями).

Общностная структура гражданского общества и место социальной общности родителей в ней

В структуру социальной общности в самом общем виде входят социальные субъекты (члены общности), её объекты (то, на что или кого направлена деятельность субъектов социальной общности) и отношения (связи) между ними [Зборовский 2009]. Сложность структуры гражданского общества обусловлена и субъектом, и объектом, и складывающимися отношениями (связями) между ними. В первую очередь следует отметить гетерогенность (разнородность) самого субъекта. Гражданское

общество как социальная общность включает в себя широкий спектр индивидов и их ассоциаций (подобщностей), которые могут быть классифицированы по ряду оснований¹. Непосредственно в структуре общности гражданского общества эти субъекты могут быть представлены формально и неформально организованными подобщностями, осуществляющими деятельность в различных сферах жизнедеятельности: образовательной, культурной, экологической, правозащитной, трудовой и др. [Социально-политическая ... 2019]. Эта деятельность может осуществляться на постоянной основе или как отклик на возникающие ситуации нарушения прав и интересов. Подобщности гражданского общества могут отличаться условиями жизни и масштабами своей деятельности, использовать различные формы реализации и защиты прав и интересов. Ключевой, объединяющей основой всех субъектов общности гражданского общества являются, на наш взгляд, уважение других, свобода выбора и готовность отстаивать свою позицию.

На протяжении долгого времени в качестве традиционных субъектов гражданского общества выступали формальные правозащитные организации, НКО, профессиональные союзы работников, политические партии и движения, неформальные объединения граждан, проживающих в некотором районе и т. п.

Социальные изменения, происходящие во многих странах мира, в частности, проявляющиеся в трансформации структуры и функций государства, активизируют появление новых субъектов гражданского общества. Таким новым субъектом, по нашему мнению, и является социальная общность родителей. Несмотря на то, что родительство лишь одна из общностей гражданского общества, сложность её внутренней структуры не только не уменьшается, но в каких-то моментах даже увеличивается. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что сама общность современного родительства неоднородна, достаточно дифференцирована, соткана из противоречий.

Родительство состоит из большого числа подобщностей, которые отражают объективно существующие различия по возрастному, образовательному, профессионально-должностному статусу родителей [Гурко 2013]. Эти различия влияют на степень вовлечения родителей в практики общности и характер внутриобщностных и межобщностных взаимодействий.

Родительство как субъект общности гражданского общества встраивается в её структуру с разными уровнями интенсивности. Так, родители могут быть включёнными в практики гражданского общества в сферах, не связанных напрямую с их родительским статусом (например, быть членами организаций по защите окружающей среды). Они могут быть организаторами или участниками деятельности по защите прав и интере-

¹ По базовым (социально-демографическим, социально-территориальным, профессиональным, этническим, статусным признакам и т. д.), количественным (массовые и групповые), временным (непостоянным, ситуативным) признакам, по степени формализации (формальные и неформальные) и сплочённости (тесно сплочённые, обладающие недостаточно тесными связями), способу возникновения и функционирования (объективные, субъективные, объективно-субъективные) и т. д.

сов, вовлекаться в данную деятельность на постоянной основе или ситуативно. Исходя из этого, полагаем, что внутренняя структура родительства может быть представлена как динамичная структура (т. к. субъекты данной общности – индивиды и их ассоциации – могут изменять своё положение), связывающая в себе ядро, полупериферию и периферию.

В ядро родительства мы включаем тех субъектов данной общности, которые *на постоянной основе* осуществляют деятельность по реализации и защите *не только прав и интересов родителей и детей, но и более широко – гражданских прав* в качестве организаторов конкретной деятельности. Иными словами, ядро родительства как общности образуют гражданские активисты, работающие в том числе и в поле родительства. Отметим, что в отечественной научной литературе акцент при анализе механизмов активизации родительского сообщества делается именно на родителях – гражданских активистах [Шпаковская 2013].

К полупериферии могут быть отнесены субъекты, которые *на постоянной основе участвуют* в деятельности по реализации и защите прав и интересов родителей и детей или *ситуативно организуют такую деятельность*. К периферии родительства мы относим тех субъектов данной общности, которые *участвуют* в деятельности по защите прав и интересов родителей и/или детей *ситуативно*.

Сложность структуры гражданского общества как социальной общности обусловлена и её объектом. В качестве такого объекта может выступать всё многообразие как реальных, так и виртуальных индивидов и их ассоциаций (подобщностей), их права и интересы, действия, поведение. Ключевой особенностью объекта общности является то, что он находится в тесной, зачастую неразделимой взаимосвязи с субъектом, т. е. по сути является объект-субъектным или субъект-объектным. Так, при защите родителями права на качественное образование их детей объектом защиты выступает «право на качественное образование». Вместе с тем это «право» существует не само по себе. У него есть конкретные носители: дети и родители (как законные представители детей). Таким образом, субъект (родители) и объект («право на качественное образование», носителем которого являются и сами родители) – сливаются.

Третьим элементом структуры социальной общности являются отношения между субъектом и объектом, т. е. прямые и/или опосредованные связи между членами гражданского общества (и их ассоциациями), определяющие возможность социальных действий и взаимодействий во времени и пространстве. Эти отношения могут проявляться в виде *односторонней связи* (например, субъекта с объектом), *взаимосвязи* (проявляющейся в виде обоюдных действий субъекта и объекта) и *социального взаимодействия* (когда происходит размывание границ между субъектом и объектом) [Зборовский 2009].

Социальные взаимосвязи выступают начальной стадией взаимодействия, своеобразным откликом на желание реальных и потенциальных представителей данной общности удовлетворить потребности и интересы как членов гражданского общества. Взаимосвязи могут проявляться в поиске информации о деятельности тех или иных подобщно-

стей гражданского общества (например, о деятельности правозащитных организаций, действующих на территории определённого населённого пункта), в виде установления контактов, причём эти контакты не всегда носят постоянный, системный и непосредственный характер (обратившись в конкретную правозащитную организацию и получив от неё помощь, мы можем больше никогда не воспользоваться её ресурсами).

Отправной точкой возникновения *социального взаимодействия*, как было сказано выше, выступают социальные взаимосвязи. Оно носит характер взаимных (прямых и обратных) действий (воздействий) субъектов и объектов гражданского общества как общности. Характерными особенностями таких взаимодействий является то, что они 1) постоянно (с определённым уровнем системности) воспроизводятся в виде обмена информацией, поиска и оценки средств и результатов своей деятельности по реализации и защите прав и интересов; 2) выходят на уровень непосредственных межличностных коммуникаций (общения).

Полагаем, что на современном этапе своего развития гражданское общество как социальная общность сформировано не в полной мере. Это обусловлено не только политическими, экономическими, социокультурными особенностями той или иной страны. Ключевой причиной является отсутствие *устойчивого органического социального взаимодействия* между субъектами и объектами гражданского общества, *образа жизни* представителей общности, в результате «постоянной активной деятельности которых возникала бы упорядоченность повседневной жизни» [Возьмител 2017: 25; Актуализированные ценности... 2015: 81]. Пока, на наш взгляд, можно говорить лишь о социальных связях и взаимосвязях, способах и стилях жизни некоторых подобщностей гражданского общества, реализующих (и защищающих) в своей практической деятельности потребности и интересы, присущие общности гражданского общества [Возьмител 2017: 35].

Перечисленные выше формы отношений элементов структуры гражданского общества различаются теснотой связи: от наименее тесной при односторонней связи к наиболее тесной в рамках социального взаимодействия. Эти отношения могут реализовываться в ходе внутриобщностных и межобщностных отношений и иметь разные векторы направленности (от сотрудничества до соперничества). Они накладываются, пересекаются и дополняют друг друга.

Так, внутриобщностные и межобщностные отношения родительства как подобщности гражданского общества могут находиться в плоскости и сотрудничества, и конфликта. Родительство может пребывать в конструктивном диалоге, выступать партнёром с подобщностями гражданского общества, действующими, например, в сфере защиты окружающей среды. Общая цель сохранения природы для настоящих и будущих поколений будет способствовать укреплению и развитию отношений между общностями гражданского общества.

С некоторыми подобщностями родительство может находиться в антагонистических отношениях. Так, во многих странах мира оно находится в определённой конфронтации с такими подобщностями гражданского общества, как ЛГБТ-движения. Например, граждане

Франции в 2013 г. вышли на массовые митинги против легализации однополых браков. Одним из главных лозунгов протестующих было выражение «папа плюс мама равно ребёнок». Тем самым собравшиеся выражали недовольство желанием правительства принять поправки, которые бы изъяли из кодекса слова «мать» и «отец» с заменой на «родитель один» и «родитель два» [Франция митингует... 2019].

Кроме того, родительство, с одной стороны, может самостоятельно инициировать и вовлекать иных субъектов гражданского общества в деятельность по реализации и защите прав и интересов; с другой, – присоединяться к инициативам этих субъектов гражданского общества.

Говоря о межобщностном взаимодействии родительства как субъекта гражданского общества, мы имеем в виду взаимодействие с государством (представителями органов власти различных уровней), которое по разным вопросам, в разных сферах может иметь диаметрально противоположный характер. В одних ситуациях (и странах) органы власти могут идти на компромисс с родительством. Например, в законах об образовании США и России (в противовес Германии) содержится положение, позволяющее выбирать (в том числе родителям) форму образования [Пол 2015]. В других ситуациях органы власти могут удовлетворять потребности одних субъектов гражданского общества, игнорируя при этом других (мнение родительства). Возвращаясь к примеру выступлений французов против легализации однополых браков, следует отметить, что спустя 6 лет (в феврале 2019 г.) нижняя палата французского парламента приняла закон, запрещающий использование в документах системы образования слов «отец» и «мать». Вместо них будут использоваться «родитель 1» и «родитель 2» [«Parent 1» et «parent 2»... 2019]. В некоторых случаях органы власти осуществляют одностороннее давление на общность родителей. Государство через свои структуры всё жёстче задаёт параметры родительской роли и угрожает родителям санкциями за «некачественное» выполнение родительских функций. Внедрение норм ювенальной юстиции во многих странах Европы – яркий тому пример. Страх навредить детям, потерять их (быть лишённым родительских прав), на наш взгляд, ослабляет активность родительства как общности гражданского общества.

Выводы

Эволюция общности гражданского общества и объективные процессы усиления вмешательства государства в частную жизнь граждан активизируют процесс вовлечения в структуру гражданского общества новых субъектов. Одним из таких субъектов выступает социальная общность родителей. Родительство, обладающее колоссальным «природным» потенциалом защиты и заботы о подрастающем поколении, всё больше приобретает характеристики и функции общности гражданского общества, реализуя их в более широких масштабах, нежели конкретная семья. Оно осуществляет деятельность по реализации и защите прав и интересов не только своих, родительских, но и детей (как своих, так и чужих), заботясь тем самым не только о нынешнем поколении, но и созидая будущее страны.

Может ли родительство в настоящее время взять на себя роль лидера гражданского общества? Полагаем, что однозначно на этот вопрос ответить нельзя. С одной стороны, учитывая дифференцированность родительства, противоречивый характер его деятельности, продуцируемый государством страх потери детей (т. е. родительских прав) снижает уверенность общности родителей в своих силах, их активность. С другой – в зависимости от типа поселения и действий органов власти в определённых случаях возможна активизация, мобилизация усилий родительства (по крайней мере, большинства) как субъекта гражданского общества.

Но что же должно произойти, чтобы родительство, такая достаточно аморфная общность, превратилась в авангард гражданского общества или его часть? Полагаем, что для этого, во-первых, необходимо время. Каждое новое поколение родителей будет «переводить» стиль и способ жизни родительства как общности в образ жизни. Во-вторых, катализатором активизации родительства может стать политика государства во всех сферах жизнедеятельности, а особенно в тех, которые тесно сопряжены с выполнением родительских функций (экономической, семейной, социокультурной). Усиление давления со стороны государства, использование «родительской карты» в политическом поле непременно скажутся на вовлечении родительства в практики гражданского участия. Процессы, происходящие в современной российской действительности, наглядно это демонстрируют.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества. 2015 / Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН. 273 с.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций. 2017 / Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН // URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084 (Дата посещения: 28.12.2019).

Бабинцев В. П. 2016. Проблемы консолидации местных сообществ // Вестник Института социологии. № 2 (17). С. 46–65. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Babintsev.pdf (Дата посещения: 28.12.2019). DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

Барсукова С. Ю. 2004. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 448 с.

Безрукова О. Н. 2014. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. № 9. С. 85–97.

Блэ М.-К. 2018. Солидарность // Социологические исследования. № 8. С. 12–21. DOI: [10.31857/S013216250000757-5](https://doi.org/10.31857/S013216250000757-5)

Боярских А. В. 2014. Применение социологических технологий в изучении структуры гражданского общества // Политика и общество. № 2 (110). С. 132–139.

Бурдые П. 1994. Начала. М.: Socio-Logos. 288 с.

Возьмитель А. А. 2017. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. № 4. Том 8. С. 13–44. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2017_23/Vozmitel.pdf (Дата посещения: 28.12.2019). DOI: [10.19181/vis.2017.23.4.479](https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479)

Гидденс Э. 2005. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.

Горшков М. К. 2012. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11. М.: Новый Хронограф. 480 с.

Горшков М. К. 2013. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий юга России. № 1. С. 12–22.

Гурко Т. А. 2008. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН. 325 с.

Гурко Т. А. 2013. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России. М.: Институт социологии РАН. С. 8–28.

Дудкина А. А. 2016. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности: актуальные проблемы теории и практики // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. № 2. С. 41–45.

Зборовский Г. Е. 2009. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 304 с.

Кирдина С. Г. 2012. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. № 2. С. 63–73.

Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.

Левашов В. К. 2006. Состоялось ли гражданское общество в России? // Мониторинг общественного мнения. № 2 (78). С. 54–62.

Мерсиянова И. В., Малахов Д. И., Иванова Н. В. 2019. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. Т. 20. № 3. С. 66–98.

Молокова М. А. 2011. Организации «третьего сектора» как «точки роста» потенциала гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. № 6. С. 177–181.

Пол Р. 2015. Революция в школе. Новое решение для разрушенной системы образования. СПб.: Питер. 208 с.

Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. 2009. Проблемы и парадоксы институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Том 1. № 1. С. 20–35.

Уэллман Б. 2000. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. № 6. С. 78–87.

Социально-политическая устойчивость общества. Учёные записки ФНИСЦ РАН. 2019 / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. М.: ФНИСЦ РАН. 64 с.

Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. 2018. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. № 3. С. 86–93. DOI: [10.7868/S0132162518030091](https://doi.org/10.7868/S0132162518030091)

Флорида Р. 2014. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press. 368 с.

Франция митингует против замены «Папа и мама» на «родитель №1 и №2» // URL: <http://afmedia.ru/406> (Дата посещения 06.10.2019).

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 730 с.

Чернышов А. 2019. Родители как граждане // Власть. Т. 27. № 1. С. 47–54. DOI: [10.31171/vlast.v27i1.6197](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6197)

Шпаковская Л. Л. 2013. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1 (21). С. 236–248.

Ядов В. А., Климова С. Г., Халий И. А. и др. 2008. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН. С. 85–101.

Яницкий О. Н. 2011. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. № 5. С. 136–145.

Яницкий О. Н. 2013. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социологические исследования. № 3. С. 50–59.

Яницкий О. Н. 2015. Профессиональные гражданские организации: опыт интегративной интерпретации // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (10). С. 70–87.

Bebiroğlu N. 2009. From family to society: the role of parenting behaviors in promoting youth civic engagement. Tufts university. 128 p.

Etzioni A. 1995. New Communitarian Thinking. Charlottesville. Va.: The University of Virginia Press.

Etzioni A. 2002. The Good Society // Seattle Journal of Social Justice. Vol. 1, Issue 1 // URL: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/A296.pdf> (Дата посещения 16.01.2019).

Etzioni A. 2006. Communitarianism. The Cambridge Dictionary of Sociology // URL: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/documents/A359.pdf> (Дата посещения 16.01.2019).

Flanagan C. A., Bowes J. M., Jonsson B. et al. 1998. Ties that bind: correlates of adolescents' civic commitments in seven countries // Journal of Social Issues. No 54 (3). P. 457–475.

Fletcher A. C., Elder G. H., Mekos D. 2000. Parental influences on adolescent involvement in community activities // *Journal of research on adolescence*. No 10. P. 29–48.

Haddad M. A. 2006. Civic Responsibility and Patterns of Voluntary Participation around the World // URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> (Дата посещения 26.01.2018).

McNutt J. 1997. New Communitarian Thought and the Future of Social Policy // *The Journal of Sociology & Social Welfare*. Vol. 24. Issue 4. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol24/iss4/5> (Дата посещения 26.01.2019).

«Parent 1» et «parent 2» a l'йcole: «Une mesure injuste pour la plupart des familles!» // URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/13/31003-20190213...> (Дата посещения 06.10.2019).

Pavlova M. K., Silbereisen R. K., Ranta M., Salmela-Aro K. 2016. Warm and supportive parenting can discourage offspring's civic engagement in the transition to adulthood // *Journal of youth and adolescence*. No 45 (11). P. 2197–2217.

Rossi G., Lenzi M., Sharkey J., Vieno A., Santinello M. 2016. Factors associated with civic engagement in adolescence: the effects of neighborhood, school, family, and peer context // *Journal of community psychology*. Vol. 44. no 8. P. 1040–1058.

Sievers B. 2009. What Is Civil Society? // *GIA Reader*. Vol. 20. No 1. URL: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> (Дата обращения 19.06.2018).

Статья поступила: 03.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаброва Нина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

The Social Community of Parents as a Part of Civil Society

Nina V. Shabrova

Eltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: urfu-stu@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-5694-1040

For citation: Shabrova, N. V. The social community of parents as a part of civil society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Abstract. The traditional subjects of civil society, which have been active for a long period of time, are losing their former influence and importance. Researchers point out a decrease in the population's civil engagement in many countries of the world. The existing concepts of civil society are losing their explanatory power. This article presents an attempt to resolve the issue in question. The purpose of this article is to analyze the social community of parents

as a new subject of civil society. In order to achieve this goal, civil society is examined from a community approach standpoint, according to which it is interpreted as a special form of social community. Its specific nature is conditioned by the fact that such a community consists of individuals (and their associations) which support distinct needs, interests and value orientations. It is shown that individuals (and their associations), when possessing the necessary resources (mainly social capital), engage in cooperative actions to fulfill and protect their needs and interests within certain boundaries of time and space. The article stresses the fact that such activity turns into a dominant model of living, in other words – a lifestyle for members of a civil society community. Analyzed are the key characteristics, functions and the structure of civil society as a social community, together with the creation and development of a parent community within it as a new element of the former. This serves as a foundation for demonstrating that the modern parent community is evolving. While preserving its traditional community features and functions, the social community of parents is acquiring more traits and functions inherent to a civil society community, transforming into a special type of the latter. The gradual process of integrating the parent social community into the community structure of civil society is shown. Also highlighted is the fact that this process is occurring with varying intensity in time and space, as a result of the non-uniformity and inconsistency of the parent community itself. The objective disparity between parents affects their degree of involvement in practices of civil society, as well as the nature of interactions within and between communities. The article suggests regarding the interior structure of the parent community as dynamic, consisting of a core, semi-periphery and periphery. The conclusion states that in modern conditions the parent community turns into what drives the development of civil society.

Keywords: civil society, community approach, parenthood, power characteristics, community structure of civil society, community interactions

References

- Asymmetry of life in modern Russian society: correlation of traditions and innovations. Ed. by O.V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 207. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084 [accessed: 28.11.19] (In Russ.).
- Babincev V. P. Problems of consolidation of local communities. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2016: 2 (17): 46–65. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.396 (In Russ.).
- Barsukova S. Y. Informal economy. Informal economy: economic and sociological analysis. Moscow, SU HSE publ., 2004: 448 (In Russ.).
- Bebiroğlu N. From family to society: the role of parenting behaviors in promoting youth civic engagement. Medford (Mass.), Tufts university, 2009: 128.
- Bezrukova O. N. Models of parenthood and parent potential: intergenerational analysis. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014: 9: 85–97 (In Russ.).
- Ble M.-K. Solidarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018; 8:12–21. DOI: 10.31857/S013216250000757-5 (In Russ.).
- Bojarskikh A. V. Application of sociological technologies in the study of the structure of civil society. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2014: 2 (110): 132–139 (In Russ.).
- Bourdieu P. Beginnings. Moscow: Socio-Logos, 1994: 288 (In Russ.).
- Chernyshov A.G. Parents as citizens. *Vlast' = Power*, 2019: 1 (27): 47–54. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6197 (In Russ.).
- Coleman G. Social and Human Capital. *Obshhestvennye nauki I sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2001: 3:121–139 (In Russ.).
- Dudkina A. A. Structures of civil society in the political process of our time: actual problems of theory and practice. *Politika, ekonomika I social'naja sfera: problem vzaimodeystviya = Politics, Economics and social sphere: problems of interaction*, 2016: 2: 41–45 (In Russ.).
- Etzioni A. Communitarianism. *The Cambridge Dictionary of Sociology* 2006. Available at: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/documents/A359.pdf> [accessed 16.01.2019].
- Etzioni A. *New Communitarian Thinking*. Charlottesville (Va.), The University of Virginia Press, 1995: 313.
- Etzioni A. The Good Society. *Seattle Journal of Social Justice*, 2002: 1 (1). Available at: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/A296.pdf> [accessed 16.01.2019].
- Filipova A. G., Rakitina N. E., Kupriashkina E. A. New research orientations in the sociology of childhood. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018: 3: 86–93. DOI: 10.7868/S0132162518030091 (In Russ.).

Flanagan C. A., Bowes J. M., Jonsson B., Csapo B., Sheblanova E. Ties that bind: correlates of adolescents' civic commitments in seven countries. *Journal of Social Issues*, 1998: 54 (3): 457–475.

Fletcher A. C., Elder G. H., Mekos D. Parental influences on adolescent involvement in community activities. *Journal of research on adolescence*, 2000: 10: 29–48.

Florida R. Who is your city? Creative economy and choice of residence. Moscow, Strelka Press, 2014: 368 (In Russ.).

France rallies against replacing «Dad and mom “with” parent 1 and parent 2». AF Media website. Available at: <http://afmedia.ru/406> [accessed: 06.10.19] (In Russ.).

Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Moscow, ACT, 2004: 730 (In Russ.).

Giddens A. The structure of society: an essay on the theory of structuration. Moscow, Academic Project, 2005: 528 (In Russ.).

Gorshkov M. K. Civil society and civil consciousness in modern Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the Russian South*, 2013: 1: 12–22 (In Russ.).

Gorshkov M. K. Civil society and civil culture in modern Russia: experience of sociological diagnostics (instead of Preface). *Rossiya reformiruyuschayasia = Russia Reforming: 11*. Moscow, IS RAS publ., 2012: 3–26 (In Russ.).

Gurko T. A. Marriage and parenthood in Russia. Moscow, IS RAS, 2008: 325 (In Russ.).

Gurko T. A. Quality of parenthood in young families: conceptual framework, strategy, and sample research. *Aktual'nye problem roditel'stva v Rossii = Actual Problems of Parenthood in Russia*. Moscow, 2013: 8–28 (In Russ.).

Haddad M. A. Civic Responsibility and Patterns of Voluntary Participation Around the World. 2006. WesScholar website. Available at: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> [accessed: 26.01.18].

Kirdina S. G. Civil society: a departure from the ideologies. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012: 2: 63–73 (In Russ.).

Levashov V. K. Has civil society taken place in Russia? Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring of Public Opinion, 2006: 2(78): 54–62 (In Russ.).

McNutt J. New Communitarian Thought and the Future of Social Policy. *The Journal of Sociology and Social Welfare*, 1997: 1–24 (4). Available at: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol24/iss4/5> [accessed: 26.01.19].

Mersijanova I. V., Malakhov D. I., Ivanova N. V. The role of the family as a channel of intergenerational transmission of volunteering traditions in modern Russia. *Economicheskaja sociologiya = Economic Sociology*, 2019: 3 (20): 66–98 (In Russ.).

Molokova M. A. Organizations of the “third sector” as a “point of growth” of the potential of civil society in modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011; 6: 177–181 (In Russ.).

«Parent 1» et «parent 2» a l'École: «Une mesure injuste pour la plupart des familles!». *Le Figaro Official website*. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/13/31003-20190213...> [accessed: 06.10.19] (in French).

Pavlova M. K., Silbereisen R. K., Ranta M., Salmela-Aro K. Warm and supportive parenting can discourage offspring's civic engagement in the transition to adulthood. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016; 45 (11): 2197–2217.

Pol R. Revolution in school. A new solution for a broken education system. Saint-Petersburg, Piter, 2015: 208 (In Russ.).

Rossi G., Lenzi M., Sharkey J., Vieno A., Santinello M. Factors associated with civic engagement in adolescence: the effects of neighborhood, school, family, and peer context. *Journal of Community Psychology*, 2016: 44 (8): 1040–1058.

Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Y.V., Romashkin G.S., Latova N.V. Problems and paradoxes of institutional trust as an element of social capital of modern Russia. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Research*, 2009: 1 (1): 20–35 (In Russ.).

Scientific notes of FCTAS RAS. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2019: 64 (In Russ.).

Shpakovskaja L. L. Discursive practices of parenthood: political challenges and actual problems. Vestnik TomGU. Philosophia. Sotsiologija. Politologija = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science, 2013: 1 (21): 236–248 (In Russ.).

Sievers B. What Is Civil Society? GIA Reader, 2009: 20 (1). Available at: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> [accessed: 19.06.18].

Updated values of modern Russian society. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2019: 273 (In Russ.).

Vozmitel A. A. Conceptual foundations of sociology of lifestyle. Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2017: 4 (8): 13–44. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479 (In Russ.).

Wellman B. The place of relatives in the system of personal ties. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2000: 6: 78–87 (In Russ.).

Yadov V. A., Klimova S. G., Khaliy I. A., Klimov I. A., Kinsburskiy A. V., Topalov M. N., Klement K. M. The social base of support for reforms and the potential of mass protest. In: Rossiya v global'nykh processakh: poisk i perspektivy. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008: 85–101 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Modernization in Russia and around: synopsis. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2011: 5: 136–145 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Professional civil organizations: experience of integrative interpretation. Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice, 2015: 2 (10): 70–87 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Social movements in modern society: questions of theory. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2013: 3: 50–59 (In Russ.).

Zborovskiy G. E. Theory of social community. Ekaterinburg, University of Humanities publ., 2009: 304 (In Russ.).

The article was submitted on: February 03.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina Vasilievna Shabrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia